

Лу Силай не спешил расслабляться, но теперь он по крайней мере не был беззащитной жертвой в застенках Восточного дворца. В руках у него был козырь, и это придавало уверенности. Его взгляд, всегда невольно следовавший за чем-то прекрасным, сам собой остановился на лице Чжао Ииня.

— А ты недурён собой, — хмыкнул он.

«И как это получается? Стоит человеку заполучить хоть каплю императорской крови, как он становится смазлив настолько, что грешные мысли сами лезут в голову».

Чжао Иинь, услышав столь вопиющее легкомыслие, вскинулся и яростно воззрился на обидчика. Лу Силай лишь усмехнулся:

— И чего ты вылупился, как девица, чью честь покусилась? Будто я на тебя в порыве страсти наброшусь. Я хоть и люблю красивые вещицы, но прекрасно вижу, какая гниль скрывается под этой оболочкой. Ты — мелкий гадёныш. Твой папаша — старый козёл, а мамаша — сука породистая.

Лу Силай разглагольствовал, не стесняясь в выражениях, в один миг превратив всю августейшую фамилию в стадо скота. Заметив, как в глазах наследного принца заблестели слёзы, Силай на мгновение дрогнул сердцем, но тут же одёрнул себя и зло припечатал:

— Опять дуришь честной народ? Тьфу, до чего же мерзко. Будь у меня больше одной стрелы, я бы точно выцарапал у тебя на лбу «осторожно, злая тварь» — в назидание потомкам.

Чжао Иинь судорожно выдохнул. Он вспомнил, что если бы не окрик Ван Чэна, Лу Силай вполне мог выпустить вторую стрелу. Слава богу, тот промахнулся, иначе этот наглец пошёл бы на всё.

Пока они миновали бесконечные дворцовые ворота, Лу Силай продолжал изводить принца язвительными замечаниями. Наконец, когда паланкин опустился на землю и в проёме показались ворота Министерства юстиции, он окончательно перевёл дух.

— Приехали, ваше высочество.

С этими словами он бесцеремонно вытолкнул принца из паланкина и выскочил следом. Но стоило ему оказаться снаружи, как к горлу прижалось холодное лезвие. Командир гвардии Восточного дворца Ван Чэн, одетый в чёрное, возник как из-под земли. Проклятье, до Министерства юстиции — один шаг, а ситуация снова перевернулась с ног на голову.

Чжао Иинь, которого подхватили под локти маленькие евнухи, обернулся с искажённым от ярости лицом:

— Ван Чэн, убей его!

Лезвие едва не впилося в кожу, и Лу Силай в ужасе завопил:

— Стой! погоди!

Он тяжело дышал, и лишь спустя долгую минуту понял, что голова всё ещё держится на плечах. Бросив благодарный взгляд на Ван Чэна, который медлил с ударом, Силай выдохнул в лицо принцу:

— У меня есть... вещь, дарованная самим Императором!

Лицо Чжао Ииня мгновенно изменилось.

— Где она?!

Императорский дар — дело нешуточное. Просто так государь подарками не разбрасывается: либо человек оказал неоценимую услугу лично ему, либо совершил великий подвиг на благо страны. Этот проходимец никогда не служил чиновником — неужели он когда-то выручил отца? Если так, то назначение на должность наставника было не случайным капризом. А если этот человек исчезнет на следующий же день, перед Императором придётся держать ответ.

Лу Силай, хоть сердце его всё ещё бешено колотилось, быстро сообразил, что принц в своих раздумьях загнал себя в тупик. Он вскинул подбородок и нагло бросил:

— А где я держу вещицу, пожалованную мне государем — не твоего ума дело. Я желаю видеть господина Гуаня, министра юстиции.

Он понимал: чем увереннее он будет держаться, тем быстрее отступит этот напыщенный сопляк.

Принц, впрочем, быстро взял себя в руки. Он рассудил, что лучше будет приговорить этого негодяя официально, в стенах Министерства юстиции, чем убивать здесь без всякого повода.

— Что ж, пойдём в Министерство юстиции! — холодно ухмыльнулся он.

Князь Нинъян, Чжао Цзинжэнь, в это время как раз обсуждал в задних покоях с Гуань Ваньхэ способы устранения Премьер-министра Янь Шэня. Услышав шум снаружи, они подозрительно переглянулись.

Когда Цзинжэнь, скрываясь за занавесом, увидел, как Лу Силая бесцеремонно заталкивают в главный зал Министерства юстиции, он едва не задохнулся от изумления. Но едва его взгляд упал на торжествующего принца, князь нахмурился.

Он вырос вместе с Силаем, они учились у одних учителей, и характер друга знал как свой собственный. Лу Силай мог быть несносным, сумасбродным, но он всегда отличался редкой осторожностью — он никогда бы не пришёл сюда добровольно на верную гибель. Ясно было без слов: кто-то вцепился в старую обиду мёртвой хваткой.

«С таким мелким сердцем великих дел не ворочают», — подумал князь.

Цзинжэнь собирался молча выслушать допрос, но когда Лу Силая толкнули на колени и в его глазах на мгновение мелькнул затравленный ужас, сердце князя болезненно сжалось. Он вздохнул, приоткрыл завесу и, выставив вперёд нефритовый веер, подозвал Чжао Ииня к себе.

Тот сразу узнал веер. Увидев дядю там, где меньше всего ожидал, принц просиял и бросился в задние покои:

— Дядюшка! Как вы здесь оказались? — Но, заметив мрачное лицо князя, он тут же прикусил язык.

— Что я говорил тебе позавчера?

Чжао Иинь на мгновение задумался, вспоминая наставления, но тут же обиженно выпятил губу:

— Но это же воля матери-императрицы...

— Довольно, — нетерпеливо прервал его Чжао Цзинжэнь. Он указал нефритовым веером в сторону зала. — Немедленно убери этот бардак. У нас и так забот по горло, а ты ещё сильнее в грязи извозиться решил?

Чжао Иинь, недовольно опустив голову, промолчал.

— Мой дорогой племянник, если ты и дальше будешь в том же духе, даже наше родство мне не поможет — я просто не смогу тебя вытащить!

Цзинжэнь сделал вид, что собирается уйти, и принц в тревоге схватил его за рукав:

— Дядя! — Поколебавшись, он всё же сдался. — Хорошо. Я оставляю всё на ваше усмотрение.

Кратко пересказав суть дела, Чжао Инь вместе с Ван Чэном и своей свитой покинул Министерство юстиции.

Лу Силай был в восторге. Он простоял на коленях четверть часа, и за это время у него не спросили ни слова, не дали ни одного удара палками. Он просто пялился на министра юстиции, чьё лицо напоминало сытый блин, а потом принц просто испарился, а следом за ним в задние покои убрался и сам Гуань Ваньхэ.

«А я ведь даже козырь из рукава не вынул», — подумал Силай, коснувшись рукой нефритовой подвески на поясе. Воспоминание о Янь Шэне — запалённом, измождённом, но всё таком же величественном — отозвалось в кончиках пальцев волной тепла.

Тепло это мгновенно испарилось, стоило Чжао Цзинжэню выйти из задних покоев.

Лу Силай прекрасно понимал: каждое его чудесное спасение — вовсе не веление судьбы, а заслуга вполне конкретного «благородного человека».

Цзинжэнь молча схватил его за локоть и быстрым шагом увёл в безлюдное место. Силай уже открыл рот, чтобы поблагодарить, но его с силой притянули и стиснули в объятиях.

Бог знает, что пережил Чжао Цзинжэнь, слушая рассказ принца. Он боялся даже представить: если бы хоть одна деталь пошла не так, увидел бы он этого человека живым?

Князь иступлённо целовал волосы на его лбу, его руки сжимались с такой силой, будто он хотел сломать Силаю кости, а голос звучал пугающе хрипло:

— Я не позволю тебе возвращаться в поместье Премьер-министра.

—...

— Ты больше не сделаешь ни шагу без моего присмотра.

—...

— К чёрту всё... Мы бросим эти дела и уедем в мои владения.

Обещания становились всё безумнее, и Лу Силай решил, что лучше всего будет прикинуться глухим. Он просто выпятил губы и беззаботно свистнул.

Это, похоже, окончательно вывело Цзинжэня из себя. Он прижал Силая к себе так крепко, словно хотел срастись с ним телами, и прошипел:

— Ты, несносный мерзавец...

Лу Силай вздохнул и наконец подал голос:

— Послушай. Ни поместье Премьер-министра, ни твой дворец, ни даже императорские чертоги не смогут защитить меня полностью.

— Кто сказал, что я не смогу тебя защитить?! — голос Цзинжэня сорвался на крик. — Я жизнь свою отдам, чтобы ты был в безопасности!

Лу Силай не стал спорить — пусть сам поразмыслит на досуге.

К счастью, князь постепенно остыл. Хватка ослабла, но стоило Силаю сделать шаг назад, как Цзинжэнь ловким движением сорвал подвеску с его пояса.

— Ты чего? — Силай потянулся, чтобы забрать вещь, но князь поднял руку выше.

— Та самая нефритовая подвеска в форме веера, что Император пожаловал Хэ Юйху, — с первого взгляда определил Цзинжэнь. Он пристально посмотрел на Силая. — Янь Шэнь отдал её тебе?

При одном упоминании этого имени перед глазами Силая возникло лицо молодого Премьер-министра — точёное, словно из белого нефрита. Ему вдруг стало неловко, и он буркнул что-то неопределённое:

— Ну... да.

— Какое уродство. Не смей больше это носить, — отрезал Цзинжэнь, вкладывая подвеску обратно в ладонь Силая. Он снова приобнял его, улыбаясь: — На днях купцы привезли с юга два куса превосходного хотанского нефрита. Ты ведь с детства любил резьбу? Зайди ко мне в поместье, заберёшь их, поразвлечёшься.

Лу Силай помрачнел.

— Слушай, я могу вырезать что-нибудь из копеечного камня, что продают на каждом углу, но переводить благородный нефрит — уволь.

— Какая разница? Если это вырежешь ты, я буду носить это на себе вечно.

— Как-нибудь потом, — отмахнулся Силай, мягко высвобождаясь из объятий.

Цзинжэнь не стал настаивать, лишь добавил:

— Должность наставника — не то место, откуда можно просто уйти. Пока я не улажу этот вопрос, сказывайся больным и не являйся во дворец.

— Угу.

Цзинжэнь ещё долго всматривался в лицо Силая, пока вдруг не усмехнулся:

— Надо же, ты сегодня принарядился? — Он подался вперёд, принюхался у самого ворота его одежд и улыбнулся ещё шире: — Даже благовониями пахнешь. Тебе идёт. Выглядишь замечательно.

От этих слов Лу Силай покраснел до корней волос. Он засуетился, начал чесать в затылке, не зная, куда деть руки. В отличие от Цзинжэня или Янь Шэня, людей утончённых, Лу Силай привык быть неряшливым. То, что его единственный опыт «приведения себя в порядок» был замечен и так детально разобран, вогнало его в краску.

Цзинжэнь ещё немного поболтал с ним, после чего довёл до оживлённой улицы, поймал паланкин и отправил его обратно к дому Премьер-министра.

Выйдя из паланкина, Лу Силай первым же делом увидел господина Премьер-министра. Тот стоял у ворот поместья, сжимая в руках нефритовый скипетр чиновника. Он всё ещё был в красно-чёрном чиновничьем облачении, а его бледное, словно выточенное из камня лицо покраснелось от палящего солнца.

«Он что, стоял тут с самого окончания утренней аудиенции?» — неверяще подумал Силай, заметив, что солнце уже в зените.

Он поспешно улыбнулся, собираясь поздороваться, но Янь Шэнь, едва завидев его, резко развернулся и ушёл вглубь поместья. Рука Лу Силая так и застыла в воздухе.

«Да что за паршивый характер у этого человека!»

<http://bllate.org/book/17426/1693564>